

СОЛОВЕЙ ПО ИМЕНИ АЛЕКС

Бывает же так! Сажу смотрю «Непутевые заметки» в этот понедельник, вспоминаю маленького англичанина Алекса Прайера, о котором Крылов снял в Лондоне симпатичный сюжет. Вдруг – звонок с мобильного: «Наташа, мы в Москве, только что прилетели из Сочи». И мы снова встретились с 12-летним Алексом, праправнуком Станиславского, уже знаменитым тенором, и его мамой Еленой Бромлей.

– Алекс, в Сочи отдыхать ездили?
– На фестиваль «Кинотаврик». 4 ноября был концерт, посвященный детям Беслана. – их человек сто сейчас в Сочи. Там выступал Гергиев. Я пел свою «Песню о мире».
– И Гергиев дирижировал?
– Нет, я выступал с дирижером Владимиром Понькиным.
– Из-за одного концерта летели из Лондона?
– Мне очень хотелось передать лично Гергиеву «Реквием», который я сочинил в память о Бесланском горе.
– Удалось?
– Да. После концерта Гергиев пригласил меня и Тимура, осетинского мальчика-дирижера, к себе в артистическую. Никого больше, ни журналистов, никого. Он всего на три часа прилетел из-за этого концерта. Очень здорово с нами общался.
– А «Реквием»?
– Гергиев обещал, что посмотрит.
– У вас сейчас каникулы в школе?
– Нет, меня специально отпустили ради этого концерта. И еще в День милиции в Москве попросили русскую песню спеть в Кремле... Это ужас, в Англии это категорически не разрешается – петь под фонограмму. Но здесь так потребовали. Да еще я эти русские песни записал два года назад, у меня уже и голос изменился! А я очень хотел выступить с арией Калафа, даже если под фонограмму – я ее все-таки только что записал.
– У меня есть ваша фотография, где вы поете в косоворотке...
– Что такое косоворотка?
– Русская рубашка под горлышко вот так и так (показываю). А у нас вы всегда в белой «тройке» выступаете... Значит, у нас вы такой не-

множечко англичанин, а в Англии – такой немножечко русский?
– (Хочет.) Это фотография с международного фестиваля, и я там пел за Россию.
– А что пел?
– «Ой, мороз, мороз» без аккомпанемента.
– Я из «Непутевых заметок» поняла, что ваша мама – лучший гид по Лондону для русских. А Москву то она вам показала?
– В Кремле интересно. Я люблю Пушкинский музей, но это не в Кремле. Храм Христа Спасителя еще люблю, он красивый. Памятник Петру Первому почему-то никому не нравится – а мне нравится. Есть много других гораздо хуже. В Третьяковке мне очень нравятся «Три богатыря».
– Так-так... (Грозно.) А ну, как их звали???
– ... (Молчание).
– Ладно, прощаю, это трудно англичанину выучить. А еще что в Третьяковке нравится?
– Еще два медведя и мама.
– А-а, Шишкин, «Утро в сосновом лесу»? Теперь поменяем тему... В Москве только что выступала певица Чечилия Бартоли, звезда не знаю какая. Но мнения критиков разошлись. А вам она как?
– Я ее очень уважаю за то, что она записала диск музыки Сальери, мало кто это делает. Все же пишут только Гайдну, Моцарта, Бетховена. А сама Бартоли... Есть певцы, которые в сто раз лучше поют.
– Ну кто?
– Например, тенор Хуан Диего Флорес. Очень популярный сейчас.
– Флорес?
– Не «с» на конце, а... (Алекс изображает мне английское «th»!)

– Ой, да ну вас, как я это по-русски-то напишу? Пусть будет Флорес! А еще кто из певцов вам нравится?
– Ланца.
– Ну, это сто лет назад.
– Хосе Кура не очень... Вот кто – Доминго! Особенно в баритональных партиях. Он очень обаятельный. Интеллектуал.
– Ой, какой он Калаф в «Турандот»!
– Что вы, с «Тоской» не сравнить! Каварадосси – немножечко пониже партия, у него лучше получается, моему. Как он поет «Victoria, victoria!» – это настоящее. И в «Девушке с Запада» Пуччини он мне нравится. Это никогда не ставят... Хворостовский очень культурно поет.
– А певички какие?
– Джоан Сазерленд.
– Ну, она уже в возрасте.
– Анжела Георгиу... Но кого я обожаю просто – Нестеренко! Я с ним и

«Бориса Годунова», и «Иоланту» на DVD смотрю и смотрю. Мама даже написала ему письмо, что я хочу с ним познакомиться... Мне и голос его нравится, но еще больше, какой он актер.
– Самое сильное впечатление последнего времени?

– Встреча с Гергиевым, конечно.
– А до этого, в Лондоне?
– Положительное?
– И такое, и такое.
– Недавно мы с мамой ходили на «Силу судьбы» Верди в Ковент Гарден... Честно говоря, не буду называть дирижера, но увертюру взял в три раза медленнее (поет занудно). Ну вообще! Молодой человек!.. А вы бы слышали, как Гергиев эту увертюру дирижирует!
– Слышала, классно. А у нас, в Москве, что видел?
– «Три товарища» в «Современнике». Я смотрел и плакал просто. «Турандот» в Большом театре – так себе. А «Иоланта» очень понравилась. Она самая редкая и самая лучшая у Чайковского.

– А папа ваш был когда-нибудь в Москве? Вы всегда с мамой. Почему папу не засвечиваете?

– М-м-м... мой папа такой... как сказать... он связан с наукой экологией... очень волнуется, что не останется энергии, что будет global pollution... Но в принципе он прав, потому что в Англии через 10 лет будет минус 60... Он считает, что летать так часто нельзя... И у него же бизнес, он не может отключаться. В Европу ездит с нами, а в Россию – далеко. Один раз приехал – а тут мороз.
– Но папе же нравится, как вы поете?

– О, это очень интересно! Мне когда было пять лет, ему не нравилось, что я занимаюсь музыкой, и мне уже было девять, а он говорил, что я пою неестественным оперным голосом. Он любит Боба Дилана. А я как раз пою естественным голосом! Один раз папа пошел на «Сказки Гофмана» и сказал, что это последняя опера в его жизни.
– Алекс, как вы считаете, вы лучше говорите по-русски или по-английски?

– По-английски.
– Есть в русском языке слова, которые вы не понимаете?

– Я у мамы сразу спрашиваю... А знаете что, я сейчас придумал свою систему записи музыки! Без нот и без линеек. (Долго рассказывает – похоже на правду.) Подробно не пишите в газете – вдруг украдет еще кто-нибудь.
– Не буду. А расскажите про лондонскую школу. У нас шесть уроков с полдевятого. А у вас?

– У нас с без четверти девять до четырех. Пять дней в неделю. У нас просто ужас! Это бесполезная школа! Можно не ходить туда!
– И какие же предметы для вас бесполезны?

– Математика. (Идиотски.) Два минуса два... (Наступательно.) Вот сколько надо прибавить к сорок один (какое все-таки у нас невозможное склонение числительных! – Н.З.), чтобы получилось сто десять, а?! Уже на три года вперед все делаю. А по истории? Мы как учили Генриха Восьмого три года назад, так и учим... Наука у нас хорошая.

– Не поняла.
(Мама Лена объясняет, что в школе нет отделов физики, химии, астрономии. Это все входит в предмет «Наука». Дети делают много опытов.)

– Мы дуем стекло, вазы делали, всякие трубочки. Из любого камня мы делали соль. Всякие такие интересные вещи.

– А вы в каком классе-то?
– В седьмом.

– Вы продолжаете по субботам посещать королевский колледж?
– Ушел. Там учат петь как для хора мальчиков в Соборе святого Павла. Мне специально брали педагога, но она хотела, чтобы я пел тоненьким голосом, это неестественно для меня. На квартиру вышел.

– А у вас какой диапазон?
– От ми малой октавы – и как у Хуана Диего Флореса...

– Верхняя какая?
– Фа – фа дизис, соль уже не беру.
– А когда у вас день рождения?

– 5 октября.

– Весы, значит. Характер соответствует?
– А какой должен быть?
– Весы ровные, уравновешенные – прелесть. Не то что мы с вашей мамой, Скорпионы, везде на рожах.

– Мне в Сочи один мальчик все время руки заламывал, больно. Ну, я ему все-таки так дал! Я же карате занимаюсь. У меня восьмой дан.

– Трудно себе представить.
– У нас учитель очень сильный, в Японии учился. Он может одним мизинцем поднять человека, который весит 70 килограмм! Меня вот так поднял (лезет себе за шиворот, палец крючком)...

– По-русски «за шкуру» называется... А сейчас я задам самый страшный вопрос! Что вы знаете о Станиславском? А мама не будет подсказывать!

– Это homo sapiens. Это мой прапрадед.

– Но он же не только этим знаменит.

– Он реформировал театр. Основал МХАТ. Создал систему...

– Мне кажется, в Англии знают только одно имя, связанное с русским театром – Станиславский.

– Но мало людей. Меня о нем в Англии почти никогда не спрашивают... Здесь, в Москве, в Доме-музее Станиславского я узнал, что он пел.

– Да-а?

– Радамеса в «Аиде». Он был тенор! В музее костюмы хранят и декорации.

– Что-то я там ничего этого не видала.

– А это на третьем этаже, туда никого не пускают. Мне показал Степан Степанович (Балашов, племянник Станиславского, подсказывает мама Лена). И еще там сохранилась такая изба игрушечная для детей. Это тоже никому не показывают... Я недели две назад читал письмо Чехова и Станиславского, которые недавно нашли. Интересно. Они там обсуждали совсем не театр, а вот буквально «где вы такие цветы купили» или что-то такое...

– Маэстро, что вы сейчас пишете?

– Я еще не закончил оперу «Барышня-крестьянка». У меня где-то там на час музыки есть. Много маленьких кусков, их надо соединить. Еще пишу Концерт для скрипки, Концерт для мандолины. Уже закончил Концерт для валторны. И пишу для нашего школьного трио.

– А у кого сейчас учитесь пению?

– У Юлии Литвиновой, это русская из Эстонии.

– Что вы делаете в самолете во время перелетов?

– Сплю.

– А у вас много друзей?

– Я дружу с нашим школьным трио. У меня есть друг Ашвин. Был хороший друг Сэм, скрипач. Он мне сказал: «Как ты поешь – уже надоело». Я не обратил внимания. Но потом он опять сказал: «Я бы тоже был такой известный, как ты, если бы так много репетировал!» Я говорю: «А что тебе мешало?» Ну, и все...

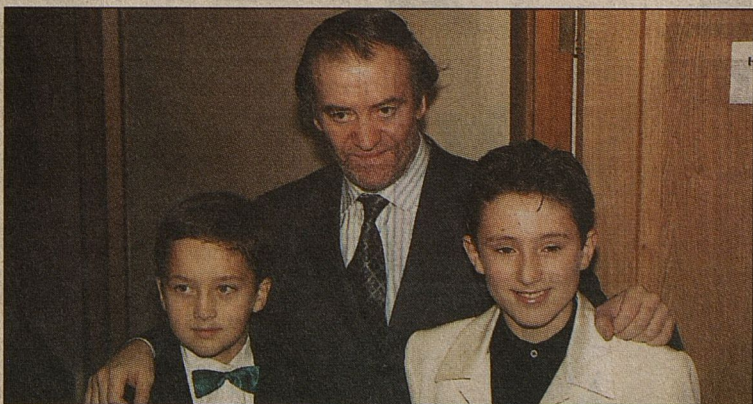
– Как вы сейчас догоните в школе?

– Мама взяла целый портфель уроков. Нам сочинение задали – побывать в другой исторической эпохе. Я выбрал Бориса Годунова. Помните, в опере есть сцена в кормье? (Поет «Как во городе было во Казани».) И как будто мне Варлаам и Лжедмитрий все рассказывают, я им не верю и еду в Москву к Борису Годунову, я должен понять и решить...

– Ну и что? Убил Годунов царевича Димитрия или нет? Может, его, как Сальери, оклеветали?

– По Мусоргскому – очень верится. По сцене сумасшествия. Без нее не получилась бы опера.

Встречалась
Наталия ЗИМЯНИНА

После концерта для детей Беслана на «Кинотаврике» Валерий Гергиев общался только с Алексом и 10-летним осетинским дирижером Тимуром Зангиевым

11.11.2004

Прайер Алекс

906